

**Низами Гянджеви**

**Собрание сочинений**

**Том 3. Лейли и Меджнун**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

Н61 **Низами Гянджеви**  
Собрание сочинений: Том 3. Лейли и Меджнун / Низами Гянджеви – М.: Книга по Требованию, 2024. – 366 с.

**ISBN 978-5-458-24589-0**

Низами Гянджеви, азербайджанский поэт и мыслитель, родился в городе Гяндже, в небогатой семье. Получил хорошее образование, в юности писал лирические стихи. Женился на тюркской рабыне Афак (Аппак), воспетой им в стихах. Безвыездно жил в родной Гяндже. Будучи тесно связанным с Азербайджаном, переносил действие отдельных эпизодов своих поэм на его территорию. Придворным поэтом никогда не был, довольствуясь небольшими пособиями, которые ему назначали феодальные правители за посвященные им поэмы. Золотым фондом азербайджанской поэзии стали пять поэм Низами: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искандер-наме». Кроме того, им был написан лирический диван, от которого дошли до нас 6 касыд, 116 газелей, 30 рубай и 4 кита. Все творчество Низами, особенно написанные им поэмы, оказали исключительно благотворное и мощное воздействие на всю средневековую литературу Средней Азии и Ближнего Востока. Умер в Гяндже (современный Азербайджан). В первый том Собрания сочинений великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви (1140-1203) вошли "Сокровищница тайн", первая из пяти поэм, составляющих его прославленную "Хамсе" ("Пятерицу"), а также стихотворения-газели, касыды и четверостишия, в которых поэт воспевает красоту мира и человека как идеал прекрасного. "Сокровищница тайн" относится к дидактико-философскому жанру и имеет лёгкую суфийскую окраску. Она надолго определила развитие дидактического жанра в восточных литературах

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

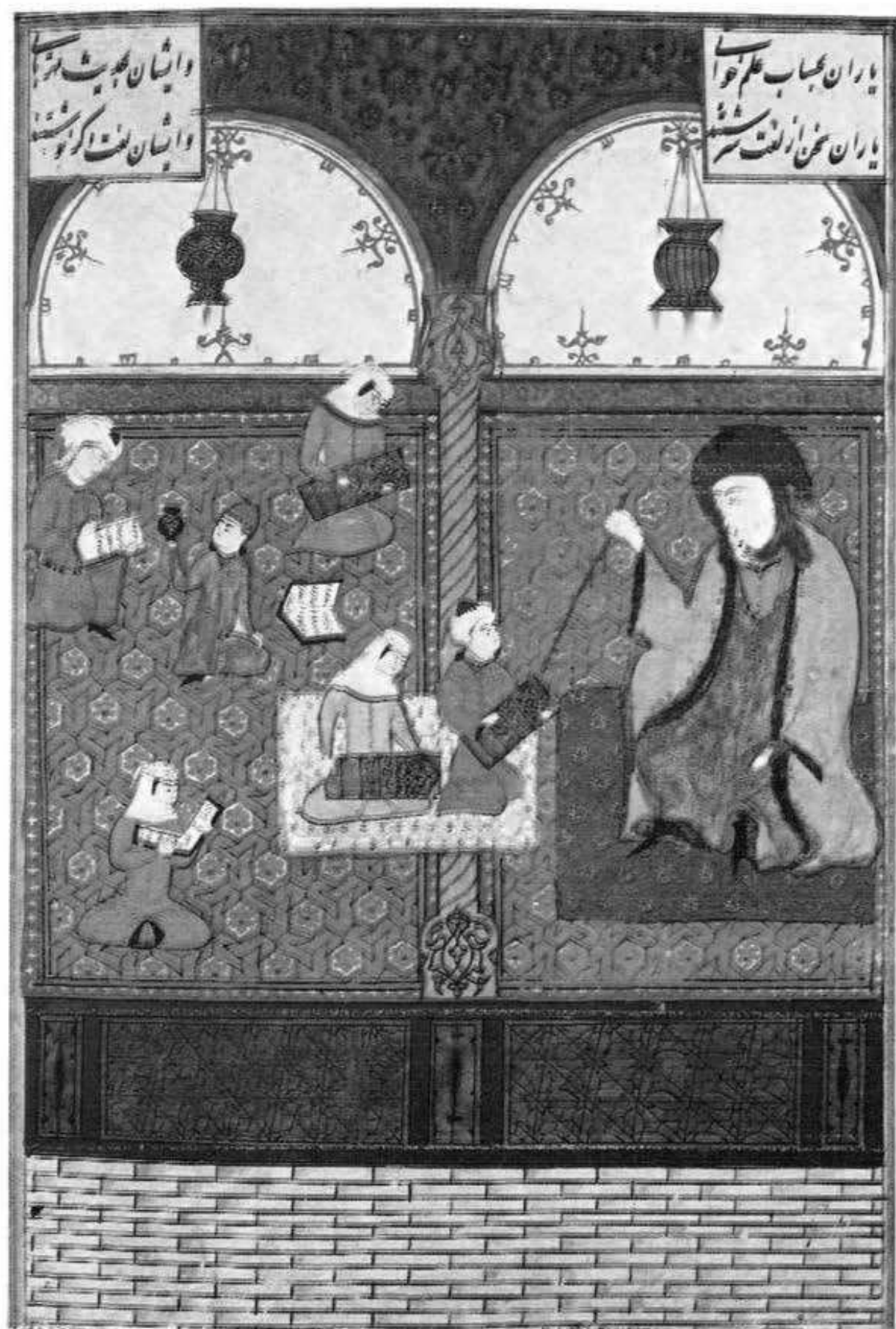
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.





ЛЕЙЛИ  
И МЕДЖНУН





1. НАЧАЛО КНИГИ ВО ИМЯ АЛЛАХА  
МИЛОСТИВОГО И МИЛОСЕРДНОГО

О ты, который вечен и не зрим,  
Дозволь начать мне именем твоим.

Ты, созидатель сущего, могуч,  
Тайн мироздания сокровенный ключ.

Ты, светом наполняя времена,  
Нам озарил сияньем письма.

Творец живого и зиждитель сил,  
Ты пред злодейством двери затворил.

Взываем мы: «Аллах, благослови!  
Свое расположение нам яви!»

Сорвал завесы ты с семи невест,  
И девять паланкинов — без завес.

Твой разум созидующий велик,  
Ты явное и тайное постиг.

«Кун файакун» — «Да будет!» — ты изрек,  
Определяя времени исток.

Ты дал нам разум, мы — рабы твои,  
Покорны в жизни и в небытии.



Непостижимый мир открыт тебе,  
Повелевать им надлежит тебе.

О, всеблагой, тебе подобных нет,  
Ты разрешаешь и кладешь запрет.

И воля непреклонная твоя  
Началом послужила бытия.

Ты — наша цель и помыслов венец,  
Ты — упование страждущих сердец.

Ты, на зеницы наложив сурьму,  
Дал прозорливость зрению моему.

Ты на скрижали начертал закон,—  
Заветы непреложные времен.

Над нами властен только ты один,  
Мы — в услуженье, ты — наш господин.

И на твоём пути, где вечный свет,  
К твоим деяньям сопричастных нет.

Ты даровал дыханье всем живым,  
И в созиданье ты непостижим.

Ты в этом мире, о властитель сил,  
Разумно, все, как должно, учредил.

Конь дня — багряный, ночи — вороной,  
Им свод конюшни ты возвел одной.

Ты, давший небосводу семь узлов,  
Распутать новых семьдесят готов.

Все, что отринул, ты дотла сжигал,  
Очистив этим прахом сто зеркал.

Ты взял листы и начертал слова.  
Из знаков всех ты вывел главных два.

«Да будет!» — эти буквы «каф» и «нун» —  
Подобье поднебесной Бисутун.

В обозначеньях этих испокон  
Таится ключ от кладов всех времен,

Ошибки малой в начертаньях нет,  
В них суть вселенной, сущего завет.

Ты предвосхитил все и в бытии  
Сияют начертания твои.

Не по заслугам, каждый час и миг  
Ты мне даруешь часть богатств своих.

Неиссякаем дивный кладезь тот —  
Сокровищница благодных щедрот.

В твоей деснице каждого судьба,  
Ты одаряешь шаха и раба.

Ты, вездесущий, видишь, — сам не зрим,  
Огонь насилья, тяжких вздохов дым.

Ты знаешь все, и замысел любой  
Был предвосхищен загодя тобой.

Ущербен разум наш. Земным путем  
Мы, отступаясь, в темноте бредем.

Коль не тобой начертана стезя,  
Узлы судьбы нам развязать нельзя.

Умы нам просветляет твой порог,  
Тот, кто посмел войти, стопы обжег.

Ты — осенивший мир моей души,  
Дорогу к совершенству укажи.

Я немощен, а путь бедой чреват,  
Коль ты ведешь, не утрашусь преград.

Груз непомерный плечи мне гнетет,  
Где силы взять, чтобы идти вперед?

Хочу тебя постичь, но мне невмочь,  
И только ты сумеешь мне помочь.



Твой гнев и милость — и бальзам, и яд.  
Мне дань твоя превыше всех наград.

Я пленник твой, за все люблю тебя  
И смерть приму, коль прогневолю тебя.

Дозволь вкусить нектар твоей любви,  
И ядом гнева жизнь не отрави.

И если гнев земную ждет юдоль,  
Нас милостью своей не обездоль.

Тобою заарканен, о творец,  
Держу аркана этого конец.

Предсмертным вздохом на моих устах  
Святое имя будет: «О аллах!»

Пусть это имя в мой предсмертный миг  
Благоговейно с губ слетит сухих.

Испепеленный, превращенный в прах,  
В ничтожестве лежу в твоих ногах.

Ты — крепость духа, за твоей стеной  
Не дрогну я пред лютым сатаной.

Пред талисманом, что тебе вручен,  
Отступит сатанинский легион.

Порог твой сделал я кыблой своей,  
Зову тебя средь горя и скорбей.

Меня средь святотатцев не покинь,  
Не сделай осквернителем святынь.

Один, как перст, я раны скрыл в груди,  
Защитник сирых, я молю: «Гряди!»

О, снизойди, спаситель, пастырь мой,  
Единый, вездесущий, всеблагой.

Все мытарства готов перетерпеть,  
Чтоб золотом чистейшим стала медь.



Господня милость, сколь ты велика,  
Что воду превращаешь в жемчуга.

И будь я жемчуг или черепок,  
Печать величья ты на мне зажег.

И каждый мой рукав благоухан,  
Будь я алоэ иль степной бурьян.

Пока я значусь на счету земном,  
Пью благостыню со святым вином.

Я разорен и на стезе земной  
Я нищ и наг, а ты — радетель мой.

Лишь одному тебе спасти дано  
Ладью, что погружается на дно.

О, помоги и подними меня, —  
Сошедшего с усердия коня.

И милостью своей не оставляй,  
И к совершенству духа направляй.

Своим сияньем разгоняя тьму,  
Освободи попавшего в тюрьму.

Доколь меня судить во всех делах  
Луна и солнце будут в небесах?

Доколь позволишь, чтоб пыливый дух  
Шах подчинял себе или пастух?

Есть разве в мире благодатней стол?  
Ты всех величьем духа превзошел.

Из закровов своих мне дай закят,  
От всех иных избавь меня наград.

Чтоб нива, разоренная дотла,  
Плодоносить и расцветать могла.

С порога своего мне благость дай,  
Сомнением мой дух не испытай.

Когда меня на небо призовешь,  
Мой след земной, молю, не уничтожь.

И в воскресенья провозвестный день  
Дозволь вступить под снисхожденья сень.

Не в ту юдоль, где длань простерла тьма,  
А в сень, что светозарней всех сама.

Там в светоносный плащ меня одень,  
Чтоб я сиял как свет, избывший тень.

Наступит срок, и я когда-нибудь  
Оставлю эту жизнь, прервав свой путь.

Все двери рухнут, — им исчислен срок, —  
Незыблемым пребудет твой порог.

Распоряжаться временем своим  
Дано не мертвым душам, а живым.

Но только ты — над сущим властелин  
И учредитель времени — один.

Служить тебе до окончания лет —  
Мне свыше предначертанный завет.

Я мыслю о тебе, пока дышу.  
Всем существом тебе принадлежу.

Так было до начала всех начал,  
Пока я жить еще не начинал.

Меня из комьев глины создал бог,  
Шагренью грубой эту плоть облек.

И в грудь бессмертный дух вдохнув потом,  
Путь начертал божественным перстом.

Да будет надо мною длань твоя  
Всю жизнь земную до небытия.

Пребуду там, где велено тобой,  
Иду я предуказанной тропой.

Проситель я, и быть мне суждено  
На пьедестале иль упасть на дно,—

Я буду старым или молодым,  
Останусь навсегда собой самим.

Каким мне в мире быть не предстоит,  
Я — тот пергамент, что навечно свит.

Ты дал мне все, не ведал я нужды.  
Пребудь со мной до гробовой черты.

И разве близость смерти так страшна?  
К тебе дорогой будет мне она.

Нет, то не смерть, а в рай цветущий вход,  
В тот дивный сад, где провозвестник ждет.

И можно ль мне стенать или скорбеть?  
Ты смерть послал, и — да свершится смерть!

Ведь разумом своим постигнул я:  
Что в смерти — продолженье бытия.

Смерть — переход из мира суеты  
На царский пир, которым правишь ты.

Не утрашусь заснуть последним сном,  
Чтоб очутиться на пиру твоём.

Любовь к тебе дарует благодать,  
Отрадно засыпать с ней и вставать.

Коль Низами — слуга ничтожный твой —  
Был дерзок, обратясь к тебе с мольбой,

Он — только капля, ты — стихия вся,  
Но даже каплей пренебречь нельзя.

В его словах, которым нет числа,  
Звучит тебе, о благостный, хвала.

Свой грехи он, каясь, признает,  
Ты их исчислил все наперечет.

Язык коснеет, но шепчу я им,  
Ты внимлешь всем — и сирым, и немым.

Будь, как хабешец, черен я с лица,  
Иль белолиц, — за все хвалю творца.

Когда отпустишь сонм моих грехов,  
Сомкнуть уста навеки я готов.

И коль судим тобою буду я,  
О, судей всех глава и судия,

То, прежде чем предстану я суду  
И вырвет жизнь из рук моих узду,

Дозволь, чтоб я в стихах восславить мог  
Все, что пророк предвидел и предрек.

## 2. СЛАВОСЛОВИЕ ПРОРОКУ — ДА БЛАГОСЛОВИТ И ДА ПРИВЕТСТВУЕТ ЕГО АЛЛАХ

О предводитель всадников благих,  
О разума султан сторон земных.

О ты, кого мудрейшим мы зовем,  
И соль и сладость в имени твоём.

Ты, сада бытия начальный плод,  
Пророков увенчал великий род.

Наместник бога среди детей земли,  
Довольствоваться малым повели.

Тех, кто себя венцом творенья мнит,  
Твой справедливый меч не пощадит.

Ты, воспарив на облачный престол,  
До лотоса небесного дошел.

Ты озаряешь очи бытия,  
О ты, чей прах — прозренья тутия.

Светильник тот, что не зажег пророк,  
Гордыни ветер погасил не в срок.